

совершенно было убійство Алтуховой не сейчасъ, но по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, когда убійцы сами сознались въ содѣянномъ ими преступленіи.

Слѣдствіе земскаго суда такимъ образомъ нашло преступниковъ и свидѣтелей. Но приказные крючки безбожно тянули дѣло. Прошелъ цѣлый годъ, а конца слѣдствія не было. Между тѣмъ, сосѣди Ширкова стали замѣчать, что Ширковъ совсѣмъ перемѣнился. Онъ постарѣлъ на видъ, сталъ угрюмъ и раздражителенъ, не смотря на то, что если гибель Алтуховой набросила на него какую-либо тѣнь, то услужливый земскій судъ отогналъ ее далеко-далеко... Какъ нарочно, въ тѣ годы, когда велось слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой, льговскій земскій судъ состоялъ изъ весьма неблагонадежныхъ людей. Засѣдатель, по словамъ знавшихъ его, былъ человѣкъ «пристрастный къ пьянству», другой засѣдатель былъ «не лучшихъ качествъ...» Стряпчій былъ преданъ Ширкову «душой и тѣломъ». Вслѣдствіе этого, земскій судъ нѣкоторыхъ изъ сосѣдей Ширкова (одинодворцевъ), которые не согласились быть лжесвидѣтелями, выслалъ въ Курскъ якобы по требованію курской полиціи съ тѣмъ, чтобы они изъ Курска никуда не отлучались...

Ширкову удалось, кромѣ своихъ крестьянъ и одинодворцевъ, найти свидѣтельница въ свою пользу въ бѣдной усадьбѣ несчастной старухи Алтуховой, именно женщину Ирину. Впослѣдствіи эта женщина чистосердечно созналась, что Ширковъ подкупилъ ее и просилъ показать на судѣ, что ея деверь Захаръ (Лобановъ) далъ ей ножъ въ то утро, когда найдена была убитой барышня Алтухова, при этомъ будто бы сказалъ:

— Этотъ ножъ ночью поработалъ.

«Будучи въ земскомъ судѣ, — рассказываетъ Ирина, — я хотя и пьяна была, однако же не рѣшалась сказать такъ, какъ научилъ меня Ширковъ. Но когда меня судьи спросили:— «Есть ли у тебя ножъ?» я отвѣчала:— «есть...» Стряпчій началъ спрашивать:— «Гдѣ ножъ лежитъ?» Я сказала. Судьи отправились за ножомъ и взяли его. Потомъ написали то, что имъ говорилъ Ширковъ. Во время допроса были пьяны секретарь суда, стряпчій и судьи, а напились они у Ширкова, который былъ при допросѣ и научалъ тутъ же допрашиваемыхъ, что имъ говорить».

Разумѣется, предосудительныя дѣйствія и поступки Ширкова, были вызваны желаніемъ спасти себя отъ рукъ правосудія; но и вообще темныя дѣянія были въ характерѣ этого человѣка... Натура Ширкова была испорчена и нравственно исковеркана «съ молодыхъ ногтей». Ширковъ остался сиротою послѣ отца 5-ти и послѣ матери 12-ти лѣтъ. 14-ти лѣтъ отъ роду онъ дѣйствовалъ вполне самостоятельно и началъ самъ распоряжаться своимъ имѣніемъ. Будучи почти еще мальчикомъ, Ширковъ изъ села уѣхалъ